

На правах рукописи

Голованёва Татьяна Александровна

Воплощение представлений о браке в повествовательном фольклоре
коренных народов Камчатки
(на материале Ворожьего цикла)

Специальность 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ – 2005

Работа выполнена на кафедре литературы Камчатского государственного педагогического университета (г. Петропавловск-Камчатский)

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент Гончарова Антонина Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Матвеева Руфина Прокопьевна

доктор филологических наук,
профессор Уланов Эрдэнэ Алексеевич

Ведущая организация: Бурятский государственный университет

Защита состоится 19 октября 2005 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан 7 сентября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Дырхеева Г.А.

Общая характеристика работы

Обращение к изучению фольклора коренных народов Камчатки связано с той ситуацией, в которой находится культура этих народов в настоящее время. В силу многих объективных причин традиционная культура и национальные языки корякского и ительменского этносов в начале XXI века оказались на грани исчезновения. Фольклорные произведения живы в памяти немногих коряков и ительменов; эти люди – хранители традиционной культуры – очень преклонного возраста. Реальна опасность того, что через десять-пятнадцать лет бытование корякского и ительменского фольклора в устной традиции будет утрачено.

Есть основания рассматривать корякский и ительменский фольклор как единую систему. Так мифологический образ творца Камчатской земли, прародителя народов, является единым как для береговых и оленных коряков, так и для ительменов. Большой Ворон (Кулх – ительменское звучание, Куткыняку – корякское звучание имени Большого Ворона) является главным персонажем в ительмено-корякском фольклоре. Основанием для сближения ительменского и корякского фольклора является единство сюжетов, что было уже отмечено отечественными исследователями (В.Г. Богоразом, Е.М. Мелетинским, Г.А. Меновщиковым). Но существуют и контрпримеры, в частности, ительменский и корякский языки не являются родственными, кроме того, наблюдаются значительные различия в жизнедеятельности оленных коряков, береговых коряков и ительменов.

Проблема взаимодействия корякского и ительменского этносов, отражение этого процесса в фольклоре могут явиться предметом отдельного исследования.

В данной работе мы сосредоточили внимание на брачном мотиве и его воплощении в повествовательном фольклоре коренных народов Камчатки.

Брак представляет собой социокультурное достижение. Согласно одной из гипотез, налаживание упорядоченных сексуальных отношений является закономерным следствием генетической эволюции мозга, и, таким образом, – переходным этапом развития человечества (В.П. Казначеев, А.В. Трофимов).

В архаической культуре брак как явление не исчерпывается только узко социальным контекстом. Естественным образом брачная тема влетела в общую систему мировоззрения. Воплощение представлений о браке находится во взаимосвязи со всем комплексом верований. В архаической культуре именно брак представляется основанием единства тотемного предка и человеческого сородича (С.А. Токарев); брак лежит в основе системы родства (Л.Г. Морган, А.М. Золотарев, Г.В. Дзибель). В исследованиях, посвященных шаманским культам, брак предстает как нерогаемый (Л.Я. Штернберг, Е.С. Новик, Т.И. Борко).

С другой стороны, брак является закономерным этапом прохождения жизненного цикла: брачный обряд представляет собой редуцирование обрядов смерти / рождения (В.И. Еремينا).

Брак как соединение мужского и женского начал находит свое отражение и в теории архетипов К. Юнга. В силу всеобщего бессознательного характера архетипов, отношения между мужчиной и женщиной всегда наделены долей сакральности.

Брак восходит к основополагающим ключевым моментам становления мировоззрения человека.

Все эти аспекты не только отразились в мифологической прозе коренных народов Камчатки, но и послужили основой формирования устойчивых типов сюжетов.

Определяя тип сюжета, мы ориентировались на уровень действий, или актантный уровень (Р. Барт, А. Греймас). Уровень действий предполагает выход как на уровень функций, так и на уровень повествования. В свою очередь, повествовательный уровень предполагает обращение к социокультурному контексту. В этой связи наиболее востребованным становится историко-типологический метод, разработанный Б. Н. Путиловым.

Взаимосвязь мифа и ритуала, фольклора и обряда являлась предметом исследования целого ряда выдающихся ученых, но, как справедливо указывает Б. Н. Путилов, разработав систему анализа, мы оказались без объекта исследования. Как показали наши экспедиции, столкновение с этой проблемой неизбежно и в процессе изучения ительмено-корякского фольклора.

Корякский и ительменский этносы подверглись процессам ассимиляции, насильственные изменения в укладе жизни коренных народов Камчатки в XX веке повлекли за собой тотальные изменения мировоззрения. Полевые экспедиции настоящего времени свидетельствуют об этом. В период с 2000 по 2005 гг. мы проводили исследования в Типицком, Усть-Большерецком, Быстрицком районах Камчатской области, и, тем не менее, наше исследование ориентировано в большей степени на этнографические записи, нежели на современный материал. Мы обратились к национальным фольклорным текстам, запись которых велась исследователями на корякском, ительменском, английском и русском языках в разные временные периоды XX века В.И. Иохельсоном, С.Н. Стебницким, Е.П. Орловой, В.И. Малоковичем, А.П. Володныим, А.Н. Жуковой.

Изучение фольклора коренных народов Камчатки невозможно без обращения к этнографическому материалу, характеризующему культуру и быт народов Крайнего Севера и Сибири. Мы старались учитывать возможные способы взаимодействия коряков и ительменов с народами Сибири и Дальнего Востока, ориентируясь в этом вопросе на исследования И.С. Вдовина.

Обращение к этнографическому и фольклорному материалу народов Крайнего Севера и Сибири обусловлено и типологическими сходствами культур. В этом мы следуем позиции В.К. Чистова, согласно которой «наложение друг на друга исходных моделей этнографических субстратов

разных народов поможет с помощью одних систем заполнить «белые пятна» других».

Фольклор коренных народов Камчатки представляет собой один из пластов человеческой культуры. В силу различных обстоятельств ительмено-корякский фольклор до настоящего времени остается малоизвестным и недостаточно изученным, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Цель исследования: на основе сопоставления этнографического и фольклорного материала выделять сюжеты (в пределах ительмено-корякского Вороньего цикла), появление которых было обусловлено особой значимостью брачных связей в традиционной культуре.

Достижение цели реализуется в работе путем решения следующих задач:

- изучить фольклорные тексты восточных палеоазиатов (записи разных лет) и выявить в них образы, сюжеты и мотивы, отражающие представления коряков и ительменов о браке;
- исследовать характер отражения представлений о брачных связях в фольклорных текстах коренных народов Камчатки;
- ориентироваться на актантный уровень, выделить типы сюжетов о сватовстве (в пределах ительмено-корякского Вороньего цикла);
- рассмотреть характер выделенных сюжетных моделей на уровне действий и на уровне повествования (в соответствии с трехуровневой системой Р. Барта);
- выявить в фольклоре коренных народов Камчатки (в пределах вороньего цикла) основу формирования обнаруженного ряда сюжетов о сватовстве;
- исследовать возможные пути образования выделенных сюжетов через сопоставление а) этнографических и фольклорных записей, частично отражающих функционирование мифа и ритуала в культуре аборигенных народов Камчатки в период с середины XVII до конца XX века, б) локальных характеристик воплощения брачного мотива в ительмено-корякском фольклоре и общих типологических тенденций в фольклоре, обусловленных значимостью брака как явления в любом традиционном (человеческом) обществе.

Объектом исследования является повествовательный фольклор коряков и ительменов (записи разных лет), составивший основу Вороньего цикла.

Предметом исследования выступает характер отражения представлений о браке в фольклоре аборигенных народов Камчатки.

Теоретико-методологической базой исследования являются теоретико-методологические принципы, сформулированные А.Н. Веселовским, Д.К. Зелениным, В.Я. Проппом, Б.Н. Путиловым и др.; научные исследования, посвященные институту семьи: работы Л.Г. Моргуна, А.М. Золотарева, В.И. Ереминой, С.А. Токарева, Г.В. Дзидея; научные исследования, посвященные изучению традиционной культуры восточных

палеоазиатов; работы Л.Я. Штервберга, В.Г. Богораза-Тана, Л.В. Беликова, Г.А. Меновщикова, Е.М. Мелетинского; научные исследования, посвященные изучению традиционной культуры коренных народов Камчатки: работы С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, В.И. Иохельсона, С.Н. Стебницкого, Е.П. Орловой, Н.К. Старковой, И.С. Вдовина, А.Н. Жуковой, А.П. Володина.

Методы исследования. Одним из основных методов данного исследования является историко-типологический. Этот метод позволяет, частично реконструировав изначальное соединение ритуала и фольклора, выявить специфику отражения представлений о браке в фольклоре коренных народов Камчатки. В ходе исследования мы обратились к структурно-семиотическому методу, который оказался необходимым для анализа сюжетов как устойчивых моделей.

Материалом для исследования послужили записи ительменско-корякского фольклора. Использован фольклорно-этнографический материал, представленный в следующих работах: С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 1994; В.Г. Стеллер. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 1999; W. Jochelson. The Koryak - Leiden - New York, 1908; Е.П. Орлова. Ительмены. – СПб., 1999; С.Н. Стебницкий. Очерки этнографии коряков. – СПб., 2000; Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. – Л., 1988; А.П. Володин. Ительменский язык. – СПб., 1971; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. / Сост., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова. – М., 1974. Материалом для данного исследования послужил также фольклорно-этнографический материал, собранный диссертантом во время полевых экспедиций в Усть-Большерецком, Быстринском и Титильском районах Камчатской области в период с 2000 по 2005 гг., частично опубликованный в сборнике *Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь. – Петропавловск-Камчатский, 2004 - 147 с.*

Теоретическая значимость и научная новизна работы заключается в том, что фольклор коренных народов Камчатки до сих пор остается недостаточно исследованным, таким образом, данная работа представляет собой опыт систематизации малоизученного фольклорного материала. В исследовании представлена система, позволяющая через анализ воплощения представлений о браке выявить особенности формирования традиционных для ительмено-корякского фольклора сюжетов.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы для составления региональных программ и учебных пособий, цель которых – изучение корякского и ительменского фольклора, изучение истории Камчатского полуострова. Результат исследования тем более значим, что в настоящее время региональный компонент является обязательным не только для высших, но и для средних учебных заведений, а теоретических работ, посвященных изучению фольклора коренных народов Камчатки, практически нет. Это обстоятельство значительно затрудняет

работу учителей и препятствует возможности приобщения камчатских школьников и студентов к культуре родного края.

Степень изученности фольклора аборигенных народов Камчатки.

К аборигенным народам Камчатки исследователи относят корякский и ительменский этносы.

В середине XVIII века С.П. Крашенинниковым и Г.В. Стеллером сделаны первые записи ительменских фольклорных текстов. Далее фольклор коренных народов Камчатки попадает под пристальный взгляд ученых на рубеже 19-20 веков. В.И. Иохельсон начал исследование особенностей жизнедеятельности, духовной жизни, языка и фольклора коряков и ительменов, будучи участником Северо-Тихоокеанской Джебуповской экспедиции. В.И. Иохельсон, оставив большое количество записей корякских и ительменских фольклорных текстов (материал опубликован на английском языке), попытался определить жанровую специфику фольклорных произведений коряков. В частности, исследователь выделил мифы оленных коряков, мифы береговых коряков и сказки береговых коряков.

Примерно в это же время (1900 – 1910 гг.) на Камчатку приезжает В.Г. Богораз-Тан. Он изучает архаическую культуру аборигенных народов Камчатки, корякский и ительменский (по общепринятой тогда терминологии – «камчадалский») фольклор, что дает ему основания сопоставлять особенности обрядовой жизни эскимосов, юкагиров, чукчей, коряков и ительменов (камчадалов). В.Г. Богораз-Тан приходит к выводу, что фольклор коряков и камчадалов (ительменов) представляет собой единую систему.

В конце 20-х, в 30-е годы XX века корякский язык и фольклор изучает С.Н. Стебницкий. В своей статье «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература» исследователь предлагает следующую классификацию корякского фольклора: «Корякский фольклор, чрезвычайно богатый по своему содержанию, можно подразделить на три больших раздела: 1) фольклор мифологический, 2) фольклор исторический, 3) фольклор бытовой».

С.Н. Стебницкий подробно рассматривает исторические предания и анализирует сюжеты и мотивы зарождающейся корякской литературы.

В конце двадцатых годов советский этнограф Е.П. Орлова, прибыв на Камчатку, принимает участие во Всесоюзной переписи населения. В пятидесятые годы XX века она вновь приезжает на Камчатку. В ходе обеих экспедиций Е.П. Орлова записывает ряд ительменских фольклорных текстов. В середине XX века свои исследования начинают советские лингвисты А.Н. Жукова (корякский язык) и А.П. Володин (ительменский язык). Записи А.Н. Жуковой и А.П. Володина отличаются предельной точностью фольклорных произведений, что дает основание для изучения особенностей повествовательного стиля коряков и ительменов.

Значимым этапом в изучении фольклора аборигенных народов Камчатки явился выход книги «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки». Часть текстов, записанных В.И. Иохельсоном, Е.П. Орловой,

А.Н. Жуковой, А.П. Володиным, была опубликована именно в этом сборнике. Г.А. Меновщиков, знаток эскимосского фольклора и фольклора народов Чукотки, говорит об общности сюжетов в фольклоре народов Камчатки и Чукотки и приходит к выводу, что «центром наибольшего распространения Вороньего цикла предстает не Чукотка, а Камчатка».

В 1960 - 70-е годы к исследованию фольклора восточных палеоазиатов обращается Е.М. Мелетинский. Ученый рассматривает ительменский и корякский фольклор как целостную систему, как «корякско - ительменскую фольклорную общность» и характеризует Вороний цикл следующим образом:

«Представление о Вороне как первопродке способствовало специфической для корякско-ительменского фольклора (в отличие от чукотского) генеалогической или, вернее, осемейной циклизации, в результате которой не только цикл Ворона представляется чрезвычайно обширным, включающим повествования и о нем и о его многочисленных родичах и потомках, но и вообще очень большая часть фольклорного массива оказывается сфокусированной вокруг Ворона, входит в этот цикл как в своеобразный мифологический эпос».

На рубеже XX – XXI веков корякская и ительменская культура вновь привлекает внимание лингвистов и этнографов. В конце XX века российские лингвисты по результатам экспедиции выпускают сборник устных повествовательных текстов на алоторском языке (Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алоторцев. – М., 2000). В настоящее время на территории Камчатского полуострова свои исследования ведут японские лингвисты Чикако Оно (ительменский язык), Юкари Нагайама (алоторский язык). В течение последних десяти лет этнографические наблюдения ведут ученые Западной Европы: Эрих Кастен и Джонатан Бобалик.

В настоящее время есть необходимость фиксировать не только реликты архаической культуры, но и современные изменения в жизненном укладе, культуре, мировоззрении коренных народов Камчатки. Эти изменения вызваны объективным процессом взаимодействия этносов и должны стать предметом специального исследования.

Объем работы составляет 274 страницы текста. Список использованных источников включает 324 наименования.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка источников.

Апробация работы. Работа обсуждена в Отделе фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и на кафедре литературы Камчатского государственного педагогического университета. Некоторые аспекты исследования отражены в публикациях и представлены в виде докладов на научных конференциях разных уровней: на 4-й международной конференции молодых ученых и студентов «Актуальные проблемы современной науки» (Самара, 2003), на Всероссийской

конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (Томск, 2003), на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной филологии» (Киров, 2003), на Региональной научно-практической конференции «Гуманитарные науки и современность» (Комсомольск-на-Амуре, 2003), на Межвузовской научно-практической конференции «Теория и практика гуманизации образования» (Петропавловск-Камчатский, 2000), на Межвузовской научно-практической конференции «Смысловое пространство текста» (Петропавловск Камчатский, 2002, 2003, 2004). Результатом обработки экспедиционного материала явилась книга: Успенская В.И., Головашова Т.А. *Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь.* – Петропавловск-Камчатский, 2004. – 147с.

Положения, выносимые на защиту.

1. Повествовательный фольклор аборигенных народов Камчатки отразил процесс установления брачных отношений в данных культурах, что выразилось в формировании определенных сюжетных моделей, составивших основу Вороньего цикла.

2. Мифологические сюжеты о сватовстве представляют собой воплощение архаического единства: обрядов инициации, брачных обрядов и обрядов смерти.

3. В основе формирования сюжетов о сватовстве лежат мифологические оппозиции *свое / чужое, мужское / женское, живое / мертвое, культурное / природное*, что определило устойчивую систему персонажей в ительмено-корякском фольклоре.

4. Сюжеты о сватовстве потомков Большого Ворона восходят к мифо-ритуальному единству, где брак предстает как многофункциональное явление:

- брачные отношения включены в систему космогонических представлений о мире;
- динамика годового цикла предстает как проекция брачных отношений мифологических персонажей;
- в культовых представлениях брак формируется как иерогамный;
- родовое единство членов человеческого сообщества и тотемного предка иницируется (поддерживается) брачной связью.

В первой главе «Сюжеты о сватовстве Большого Ворона: генезис, структура, система персонажей» рассматриваются сюжеты данного типа.

В фольклоре особую роль играют сюжеты, в основе которых лежит мотив сватовства. Понятие «сватовство» нуждается в уточнении. Сватовство – ряд ритуальных действий, предшествующих браку. Установление брачных связей с целью укрепления и продолжения рода являлось одним из главных предназначений человека. Испытания, предшествующие брачному союзу, и у

ительменов, и у коряков сопряжены со множеством трудностей, что объясняется ценностью брака как многофункционального явления.

Во всех сказочных сюжетах Вороньего цикла в центре внимания либо первопредок, творец Камчатской земли – Кутх (Куткыньяку) и его жена Мити, либо потомки Кутха (Куткыньяку). Есть основания предполагать, что персонажи ительменских и корякских сказок – преображенные герои этиологических мифов.

Брак Большого Ворона и его жены Мити, как первый брак на Камчатской земле, заложивший, согласно мифологической картине мира, начало жизни корякского и ительменского народов, предстает как неизбежный. Записи сюжета о сватовстве Кутха к его будущей жене зафиксированы только В.И. Иохельсоном на рубеже XIX – XX веков, для этих сюжетов характерна явно выраженная этиологическая направленность. И Большой Ворон, и его будущая жена в этих сюжетах имеют магическое происхождение [Иохельсон №20, 21, 25, 116; Меновщиков, №126]. В то же время во множестве сюжетов Вороньего цикла магическое происхождение Мити отходит на задний план. Жена Большого Ворона в большинстве сюжетов обладает скорее житейской мудростью, нежели магическими способностями. Такие изменения в образной системе могут быть вызваны смещением значимости социальных ролей женщины и мужчины. Наряду с сюжетами о сватовстве Кутха к Мити, где они оба предстают как равноправные по силе возможностей, наблюдаются сюжеты, где роль Мити второстепенная и сводится к реакции на действия ее мужа Большого Ворона. Жена выступает в качестве некоего нейтрализатора «чудаковатых» действий мужа. В ительмено-корякском фольклоре трикстерское начало, воплотившееся в образе Кутха (мужа), наталкивается на рациональное, источником которого является жена Мити. Таким образом, брак Кутха (Куткыньяку) и Мити предстает не только как источник жизни – соединение женского и мужского начал, но и как воссоединение рационального и иррационального. Мифологическим сознанием образ Мити, по-видимому, воспринимался в качестве образа вечной спутницы Большого Ворона. Мы обнаружили только один сюжет, в котором жена Большого Ворона – Мити – покидает своего мужа. Наравне с этим, записано множество сюжетов, где Кутх (Куткыньяку) покидает (на время) свою жену Мити. Измены женатого Кутха (Куткыньяку) – одна из любимых тем в ительмено-корякском фольклоре. Эту черту отметил еще Г.В.Стеллер. В мифологии коряков и ительменов Кутх (Куткыньяку) – творец Камчатской земли, все, что здесь (на Камчатке) ни есть, – плоть от плоти его. Нет ничего парадоксального в том, что он стремится наладить брачные связи чуть ли не со всем миром, и, таким образом, вернуться к своей единой сущности.

Ительменские и корякские сказки сохраняют свою связь с архаическими мифами, что позволило исследователям говорить о явно выраженном мифологическом характере ительмено-корякского фольклора. Сказочные сюжеты на определенном этапе развития культуры обладали магическими функциями (Д.К. Зеленин). Соответствие между корякскими сказками и

корякскими заклипаниями отметил еще С.Н. Стебницкий: «Корякские заклипания интересны с точки зрения разработки вопроса о происхождении и развитии корякского фольклора. <...> Следует предположить, что чрезвычайно своеобразный, почти неподдающийся объяснению корякский мифологический фольклор развился на основе заклипаний».

У коряков до самого последнего времени к сказкам, по крайней мере, к некоторой категории сказок, существовало отношение как к чему-то, имеющему магическую силу».

Заговорная традиция, насколько можно судить по записям В.И. Иохельсона и С.Н. Стебницкого, обращается к образам Кутха и Мити. Кутх и Мити как родоначальники корякского и ительменского народов соединены со временем первотворения, то есть со временем изначальности, *временем до*. В заговорной традиции, возможно, это время соотносимо со *временем до болезни*.

Брак Кутха (Куткыньяку) в заговорах, а вслед за ними и в сюжетах мифологических сказок предстает как возвращающий к первоначальному единству, то есть как исцеляющий.

Упоминание заката и рассвета как магических временных периодов присутствует и в корякских заговорах, и в сюжетах о сватовстве Кутха. При этом, как правило, движение персонажа на рассвете коррелирует с направлением в сторону морского берега, а движение на закате – с направлением в сторону леса. Пространственный и временной код накладываются друг на друга: берегу моря соответствует *время рассвета*, а глубине леса – *время заката*.

В мифологических анекдотах (жанровое определение Е.М.Мелетинского) о сватовстве Кутха к своему отражению в воде движение Кутха реализуется в пределах четырех покусов [Стеллер, С.151-153; Иохельсон, №88; Меновщиков, №202; Малокович, С.58-61; Жукова, №17, №47]. При этом наблюдается следующее взаимораспределение покусов: родовое пространство Кутха противопоставлено мышинному селению, движение в лес противопоставлено движению к морю.

Кутх (Куткыньяку), согласно мифологической картине мира, способен к прописковению в противостоящие, отраженные друг в друге пространства. Путь Кутха (Куткыньяку) неизбежно лежит в мышинное селение, что фавульно объясняется стремлением к возмездью. Мышиное селение – одна из наиболее устойчивых (наравне с лесом, берегом моря и родовым пространством Кутха) пространственных координат, задействованных в мифологических сюжетах, повествующих о Кутхе. Проникая в мышинное селение, Кутх подвергается «надругательству» со стороны мышей. Характер этих «надругательств» поразительно устойчив, как и их последовательность.

Во всех вариантах отмечается следующая закономерность: вхождение Кутха (Куткыньяку) в оборотное пространство – пространство мышинного

селения – предполагает: кормление Кутха, расчесывание волос Кутха, сон Кутха, «глумление» мышей, преобразование Кутха.

Такая устойчивость эпизода, повествующего о вхождении Кутха в мышиное пространство, свидетельствует о значимости составляющих его элементов: *кормление – расчесывание («поиски вошек») – усыпление – преобразование.*

Кормление в культовых ритуалах предполагает воссоединение *этого и иного* мира (М. Элиаде), кормлению подвергается герой, наделенный медиативными способностями, в ительмено-коряжской мифологии это, безусловно, Большой Ворон. Вслед за кормлением следует расчесывание волос. Этот мотив проявляет себя в мировом фольклоре. Через расчесывание волос во всех случаях устанавливается связь между изначально оппозиционными персонажами. В процессе расчесывания снимается некая защитная преграда, что позволяет тому, кто расчесывает, совершить свое дело над тем, кого расчесывают: убежать, выведать, украсть. Многие исследователи указывали на сакральную символику волоса в архаических ритуалах. В ительмено-коряжском фольклоре мыши, расчесывающие волосы Кутха (Куткыняку), «глумятся» над спящим Кутхом (Куткыняку), но характер этого глумления также устойчив. Наблюдается три типа глумления мышей над Кутхом:

- мыши пришивают Кутху на глаза красные тряпочки,
- мыши пришивают пузырь к заднице Кутха,
- мыши раскрашивают лицо Кутха.

Пришивание красных тряпочек к глазам Кутха предшествует возвращению Кутха в мышиное селение и раскрашиванию там его лица. Мотив завешивания глаз, вероятно, можно связывать и с особенностями шаманской одежды. Исследователи отмечали наличие у шаманов вышитой сакральными узорами повязки на голове. Повязка могла иметь бахрому, спускающуюся на глаза, что способствовало отделению шамана от мира обыденного и приближению к проникновению в иные миры. В качестве такой своеобразной повязки на глазах Кутха в данных вариантах предстает *нёртичьа шерсть* [Стеллер, стр. 152; Жукова, №47], *шерсть* [Жукова, №17], *тряпочки* [Меновщиков, №202], *лоскутки* [Малюкович, С.58]. Во всех вариантах неизменным является указание на красный цвет пришиваемых на глаза тряпочек. Если учесть, что в ительмено-коряжском фольклоре практически не явлена цветовая символика, становится очевидна прищипывательная значимость указания на цвет в данном сюжете. Красный цвет тряпочек, пришиваемых на глаза Кутху, сопоставим не только с огненной природой, как переходной, очищающей, но также неизменная краснота лоскутков позволяет говорить о сопоставимости их цвета с цветом крови.

Если принять гипотезу восхождения сюжета данного типа к заговорной традиции, то традиционное упоминание красных тряпочек, которые *«пришиваются», «приклеиваются»* накладывается на представление о затягивающейся кровоточащей ране.

Кутху (Куткыняку), взвизгивающему на свой дом через красные тряпочки, кажется, что его дом горит, то есть пребывает в стадии перехода из одного пространства в другое. Огонь, который виден только «преобразенному» Кутху (Куткыняку), вероятно, призван изгнать болезнь и злых духов из родового пространства. Горящий дом – дом очищающийся, дом обновляющийся, в этой связи интересно, что Кутх (Куткыняку) во всех записанных вариантах данного сюжета начинает тушить огонь малолетним ребенком, *некудышним сыном*. В процессе тушения огня в некоторых вариантах Кутх (Куткыняку) насмерть забивает ребенка, что не вызывает никаких трагических последствий. Ребенок является лиминальным существом, через него оказывается возможным вхождение Кутха (Куткыняку) в пространство *этого*, по уже качественно преобразенного, очищенного мира. В связи с этим интересно наблюдение Н.Н.Веледской, свидетельствующее о сопоставимости новорожденного ребенка и огненной природы в архаической славянской культуре. Сопоставление это зиждется на их общей лиминальной природе.

Есть все основания говорить о том, что в данном сюжете мотив тушения ребенком огня восходит к оберегающим ребенка ритуалам.

Сюжеты о кельных похождениях Кутха (Куткыняку) (сюда входят и сюжеты рассматриваемого типа) отличаются очень высокой степенью комичности, что позволило Е.М.Мелетинскому определять их как *мифологические анекдоты*. Трикстерское сватовство Кутха (Куткыняку) к своему отражению в воде, в куче своих испражнений как будто предстает пародией на истинное сватовство. Сватовство трикстера всегда является изменой, объектом воцеления трикстера в ительмено-коряжском фольклоре оказывается слепое существо, такое сватовство всегда заканчивается неудачей. Интересен сам факт возможности сопоставления анекдота и заговора. Анекдот по своей эмоциональной наполненности представляет собой крайнюю противоположность эмоциональному настрою заговора, что закономерно, но в этой диаметральной противоположности, возможно, основа единства заговора и анекдота. Безудержный смех в этом мире, как предельное состояние эмоционального напряжения, сам по себе уже приближает к миру оборотному. В традиционных культурах бытовали запреты смеяться в определенных обстоятельствах, дабы не навлечь гостей из иного мира (Д.К.Зеленин).

Сюжет о сватовстве Ворона к своему отражению в воде предполагает наличие между миром этим и миром иным, из которого и была заброшена болезнь, переходного пространства - это мышиное селение, вхождение в которое соответствует ритуальному приближению к сакрализованному пространству, отсюда и вытекает устойчивость этапов вхождения: кормление, расчесывание волос и погружение в состояние сна, и только вслед за этим – преобразование.

Разоблачение обмана, и отпарывание красных тряпочек с глаз Кутха (Куткыняку) – очередной этап развития действия, при этом разоблачение всегда происходит в родовом пространстве Кутха (Куткыняку) и это

разоблачение связано с действиями его жены — Мити. Если принять гипотезу о возможной сопоставимости пришивания красных лоскутков и затягивания раны, то отпарывание «фальшивых ресниц» эквивалентно следующему этапу исцеления, когда от кровотока раны не должно остаться и следа. И эти магические действия вызваны активностью Мити.

Конечно, прямое сопоставление эпизодов фольклорного сюжета и каких-либо бытовых или даже ритуальных действий есть только гипотеза, причем, всегда уязвимая; к подобным сопоставлениям, как утверждает В.И.Еремича, нужно относиться с большой осторожностью. И, тем не менее, невозможно удержаться. На протяжении двухсот пятидесяти лет в разных уголках Камчатки ученые фиксировали сюжет о сватовстве Кутха (Куткыньяку) к своему отражению в воде, в этом сюжете мыши неизменно пришивают, приклеивают красные тряпочки. Такая устойчивость эпизодов невольно наталкивает на сопоставление их с заговорной традицией, где действия персонажей соотносятся с процессом заживления раны. В данной сюжетной модели пришивание красных лоскутков к *глазам* коррелирует с пришиванием пузыря к *заднице* Кутха (Куткыньяку). Взаимозаменяемость телесного верха и телесного низа в фольклоре традиционно служит источником комического эффекта. Но эта взаимозаменяемость, возможно, связана и с признанием оборотности пространства, где верх может обернуться низом, а низ — верхом. Пространственный код реализуется в пределах микрокосмоса человеческого тела, вследствие чего должно свершиться преобразование. Кутх (Куткыньяку), одержимый стремлением к возмездию, вновь направляется к мышам, где он вновь будет одурачен. Структура этого сюжетного хода характеризуется устойчивой последовательностью элементов: Кутх, накормленный мышами, засыпает — мыши раскрашивают лицо Кутха углем (охрой) — Кутх просыпается — Кутх идет к реке — Кутх видит в реке необыкновенно красивую женщину (свое отражение) Кутх сватается к отраженной женщине (кидает ей в воду подарки) — Кутх бросается к ней сам — Кутх тонет.

Сюжет о влюбленности Кутха (Куткыньяку) в свое собственное отражение в воде, является одним из наиболее популярных в ительменско-корякском фольклоре.

Кутх (Куткыньяку), как шаман, способен не только оборачиваться в ворона и в человека, но и раздваиваться на мужское и женское начала. Такая изначальная двуполость, присущая Кутху (Куткыньяку), позволяет ему изначально творить дочерей. Раскрашивание лица — один из значимых подготовительных ритуалов для вхождения шамана в состояние мистического транса. Раскрашивание предстает как принятие иного облика, как перевоплощение в иную сущность. Сведения, касающиеся полового перевоплощения корякских шаманов, содержатся в этнографических исследованиях В.И. Иохельсона, С.Н. Стебницкого, И.С.Вдовина. Традиционно шаман принимал женский облик и в состоянии измененного пола становился ближе к иному, которое позволяло постигать сакральное знание — основу религиозной жизни всего племени. В сюжете

мифологического анекдота обретение женского облика соединяется с приближением Кутха (Куткыньяку) к реке.

В мир отражения (реки) Кутх (Куткыньяку) бросает все самое необходимое. Есть основания сопоставлять эпизод бросания Кутхом (Куткыньяку) необходимых вещей в реку, как в иной мир, с погребальными обрядами. Множество записей этнографов по этому вопросу свидетельствуют о том, что человеку, отправляющемуся в мир предков, кладется все необходимое для жизни. Очевидна аналогичность комичных действий Кутха (Куткыньяку), бросающего в воду одежду и предметы быта, с погребальными обрядами ительменов и коряков. Не случайно в некоторых вариантах этот эпизод заканчивается тем, что Кутх (Куткыньяку) тонет, то есть переходит в иной мир, но смерть Кутха (Куткыньяку) всегда обратима, это только один из эпизодов его бесконечной жизни.

Если в мифологическом анекдоте приближение к реке только одно из звеньев создания комической ситуации, то в первоначальном архаическом варианте приближение к реке не могло не связываться с особым пограничным существованием человека. Об этом свидетельствуют некоторые запреты, в частности, и у ительменов, и у коряков страшным грехом считалось спасать тонущего в реке, ибо он уже находился во власти морского хозяина (С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер). Этот запрет свидетельствует о религиозном мистическом страхе, который испытывали и коряки, и ительмены перед хозяином моря. Приближение Кутха (Куткыньяку) к реке соотносимо с приближением к границе миров. Кутх (Куткыньяку), глядясь в реку, как в иномирье, заморожен красотой. В мифологическом анекдоте неузнавание собственного отражения в воде представляется следствием глупости Кутха (Куткыньяку), что и создаст в восприятии умных слушателей нового поколения комичную картину. Но, возможно, взглядывание Большого Ворона в отражение в воде изначально предполагало его взглядывание в подводное, подземное пространство. И та замороженность обликом отражения, которая в мифологическом анекдоте является комичной, в сакральном контексте могла быть соединена со способностью завораживать, которой обладает иной мир. (Мотив завораживающего, поглощающего иного бытия проявился в мировом фольклоре, а вслед за ним, и в *странной* прозе XX века).

Согласно исследованиям, мифологическое мировосприятие моделирует иной мир по принципу отражения, где повторяется мир *этом*, но повторяется наоборот.

Вследствие такого «зеркального» сватовства Кутха (Куткыньяку) к собственному отражению в воде происходят воссоединение крайне противоположных начал: надводного и подводного, отражаемого и отражающего, исходного и вторичного, мужского и женского. При этом в данных сюжетах женское предстает как вторичное, отраженное, в то время как мужское — исходное, отражаемое, первичное.

Изображение трикстерского сватовства сопряжено со множеством комических деталей, но этот комизм имеет свои точки пересечения с

заговорной традицией, где брак предстает как исцеляющий, возвращающий к первоначальному единству противоположных начал.

Вторая глава «Мифологические сказки о сватовстве детей Кутха (Куткынякю): генезис, структура, система персонажей» состоит из трех разделов. В первом разделе «Сюжеты о сватовстве потомков Большого Ворона как основа формирования Вороньего цикла. Общие положения» рассматриваются общие основания возникновения сюжетов данного типа в ительмено-корякском фольклоре.

Брачные отношения, выступающие основой сюжетной коллизии многих ительменских и корякских мифологических сказок, имеют общие черты: речь в подавляющем большинстве сюжетов идет об установлении экзогамного брака, одну из сторон в устанавливаемых брачных отношениях представляют дети Кутха (Куткынякю).

Появление множества сюжетов об установлении межродовых брачных отношений связано с утверждением экзогамной семьи как единственно возможной. Утверждение экзогамной семьи как нормы соединено в человеческом обществе с формированием сложной брачной обрядности, регулирующей противоречивые, более того, изначально конфликтные, межродовые взаимоотношения. Брачные обряды служат неким гарантом успешности процесса вступления в экзогамную брачную связь.

Сложность налаживания упорядоченных брачных отношений в жизни архаического общества дает основание сопоставлять обряды брачные и обряды инициации. На возможность такого сопоставления указывает В.И. Еремива.

Как доказано учеными, обряды инициации занимали исключительное место в жизни архаического общества. Тем более интересно, что в этнографических записях, посвященных жизнедеятельности коренных народов Камчатки, не встречается описаний обрядов данного типа. Исследователи корякского и ительменского этносов, отмечали обилие физических и духовных испытаний, предшествующих совершению брака. Есть некоторые основания предполагать, что в традиционной культуре коряков и ительменов произошло сращивание обряда инициации и брачного обряда.

Мифологические сказки о сватовстве детей Большого Ворона разделяются на две группы сюжетов, в основе этого разделения, прежде всего, различия в системе персонажей, что создает основу для формирования двух моделей сюжетов: первую группу составляют мифологические сказки о сватовстве потомков Кутха (Куткынякю), сотворенных им единолично, вторую группу – сюжеты о сватовстве потомков, рожденных от брака Кутха (Куткынякю) и Мити.

Во втором разделе «Сюжеты о сватовстве потомков Большого Ворона, сотворенных им единолично: генезис, структура, система персонажей» рассматриваются структурно-семантические особенности сюжетов данного типа.

Брак Большого Ворона и Мити являет собой некую модель упорядоченных брачных отношений, которая проецируется на установление брачных отношений их потомков. Мотив единоличного сотворения потомков отцом типичен для древних мифологических представлений о сотворении сущего (А.Ф.Лосев).

Отметим, что в ительмено-корякском фольклоре сотворенность потомков Большого Ворона без участия матери предполагает и особый путь таких потомков к браку [Орлова, С.128 – 131; Меновщиков, №175, №191; Успенская, №3]. Если детям Кутха (Куткынякю) и Мити в преддверии брачного воссоединения требуется противодействие соперника или помощь посредника, то единолично сотворенные отцом потомки Большого Ворона преодолевают испытания совсем другого характера.

Процессу сотворения дочерей предшествует ссора Кутха (Куткынякю) и Мити. Во всех вариантах Большой Ворон творит дочерей и всегда двух.

Вероятно, можно говорить об отголосках этнологического мифа, явленных в данном сюжете. Кутх (Куткынякю) как прародитель всего сущего творит из себя, из своего тела живое, но ему уже не принадлежащее. Кутх (Куткынякю) творит мир, который неизбежно должен отделиться от своего творца. Нарушение единства между ожившими куклами и их создателем проявляется не только в отказе принимать принесенные Кутхом дары – еду, но и (как следствие) в стремлении девочек отдалиться от места их сотворения.

В мифологическом сюжете девочки, погруженные в утробу кала, в утробу жертвенной рыбы – кита, отнесенные в море (как в первичную субстанцию), готовятся к новому рождению. Погружение в кал, погружение во чрево жертвенной рыбы, погружение в Кита в вариантах данного сюжета предстают как идентичные.

Погружение сотворенных Кутхом кукол в исходное, а затем погружение в водную субстанцию – начало их нового рождения. Выход девочек на землю во всех вариантах неизменно совершается весной, что дает основание сопоставлять сюжет о сватовстве дочерей Кутха, сотворенных им единолично, с этнологическими мифами о смене времен года, с мифами о замирании и пробуждении природы. Весна – всегда очередное начало, острое пробуждение.

В процессе развития сюжета сестры вовлекаются в ситуацию, в которой противоборствующие стороны равносильны. Это противоборствующее равенство соотносимо с изначальной равностью сотворенных Кутхом кукол, яичных девушек. Именно поэтому дальнейшее пребывание их вместе невозможно, что особо подчеркнуто в мифологических сказках. Интересно, что в некоторых вариантах необходимость разлучиться мотивирована желанием девушек выйти замуж.

По-видимому, принесение в сюжет данной мотивировки – явление более позднего порядка, так как в тех сюжетах, где этой мотивировки нет, замужество предстает как непреднамеренное, что более характерно для архаической основы сюжета. Преднамеренность замужества предполагает со

стороны девушек целенаправленное влияние на свою судьбу, а значит, и определенную выделенность человека из непредсказуемого, хаотичного, не зависящего от воли человека мира. Девушки, сотворенные Кутхом из его собственной плоти, не являются полноценными невестами, они не готовы к браку. Во всех вариантах данного сюжета постоянным является следующий эпизод: в преддверии замужества девушки превращаются в зверей: старшая - в медведя, а младшая - в оленя. Процесс превращения в структуре сюжета занимает четко фиксированное положение: девушки превращаются в зверей в момент их разлуки друг с другом, в преддверии замужества. Превращение девушек-сестер в животных разных фратрий - оленя и медведя - возможно, сопоставимо с культом близнецов. А.М. Золотарев, трактуя происхождение культа близнецов, делает следующее предположение: «Быть может, два близнеца, всегда одинаковые и всегда различные, психологически лучше всего ассоциировались с двумя фратриями».

Одна сестра оказывается в оболочке, во чреве медведицы, а другая - во чреве оленихи. Дочери, сотворенные Кутхом (Куткыняку) единолично, сотворенные без участия его жены, сотворенные из мужской плоти своего отца, нуждаются в женском чреве. Погружение в звериное женское чрево оказывается необходимым условием их вызревания для брака.

Кутховы дочери, несущие в себе потенцию мужского начала, но обделенные женским, превращаются в животных и помещаются в их чрево, одновременно являясь при этом и самим чревом, и тем, что вызревает в этом чреве (т.е. и матерью-зверем, и вынашиваемым детенышем).

Выйдя из чрева животного, Кутховы дочери, перерожденные, вызревшие для брака, обретают мужей - охотников. Вероятнее всего, в сюжетах данного типа отразились представления о брачном союзе охотника с тотемным животным. Охотник, убивая зверя, как бы рождается с ним, есть определенная закономерность, что во всех вариантах вышедшая из тела животного девушка садится в нарты того, кто ее убил.

В мифологических сюжетах о сватовстве дочерей Кутха, сотворенных им единолично, есть некоторые мотивы, которые побуждают к сопоставлению данных сюжетов с мифами о первотворении и создании Кутхом всего живого. Сотворенное Кутхом претерпевает несколько эволюционных стадий, восходя к тому состоянию, когда сотворенное окажется способно творить. Единолично сотворенные Кутхом дочери в полной мере воплотят творческую потенцию Кутха только после вступления в брак (ибо тогда они окажутся способными родить).

Третий раздел «Сюжеты о сватовстве потомков Большого Ворона, рожденных от его брака с Мити» состоит из трех подразделов.

В первом подразделе «Функциональные роли персонажей в мифологических сказках о сватовстве потомков Кутха (Куткыняку), рожденных от его брака с Мити» представлены общие положения, касающиеся системы персонажей сюжетов данного типа.

Система персонажей мифологических сказок о сватовстве, устойчивые типы сюжетов связаны с общей мировоззренческой концепцией данного

традиционного общества, где брак как явление не исчерпывается узко социальным контекстом.

В системе персонажей мифологических сказок о сватовстве детей Кутха (куткыняку) наблюдается постоянный круг функциональных ролей: жених-муж, невеста-жена, соперник мужского пола \ соперница женского пола (ориентируясь «Морфологию сказки» В.Я. Проппа, с функцией *соперника* сопоставим функцию *вредителя*), помощник, посредник.

В сюжетах о сватовстве, помимо жениха и невесты (мужа и жены), в установлении брачных связей принимают участие посредник и соперник. И тот, и другой, как правило, заинтересованы в совершении брака. Но если посредник, являясь инициатором брака, действует в интересах жениха и невесты, то соперник действует в собственных интересах. Все-таки применительно к сюжетам о сватовстве логичнее говорить именно о *сопернике*, а не о *вредителе*, так как соперник предлагает себя вместо одного из брачующихся, и подмена эта в сюжетах определенного типа удаётся. Посредник является инициатором брачных отношений жениха и невесты, в ительмено-корякском фольклоре он находится в родстве либо с женихом, либо с невестой. Сюжеты, в которых главная инициатива в установлении брака принадлежит жениху или невесте, исключают из образной системы посредника. Можно говорить о коррелирующей паре *соперник-посредник*. Присутствие в образной системе соперника исключает наличие в ней посредника, и наоборот. Это положение подтверждается подавляющим большинством сюжетов о сватовстве, исключение составляют контаминированные конструкции, в структуре которых наблюдается четкое разделение сюжета на две композиционные части, в одной из которых влияние на брак оказывает посредник, а в другой - соперник.

В мифологических сказках о сватовстве потомков Кутха (Куткыняку), рожденных от его брака с Мити, невозможно противоборство соперника и посредника, или вообще какое-либо их взаимодействие в развитии сюжета. Функциональные роли соперника и посредника предстают как взаимозаменяемые, но, именно поэтому никогда не сосуществующие в пределах одного сюжета.

Посредник в установлении брачных отношений выполняет функцию медиатора, его участием снимается противоречие между одним родом и другим, между мужским и женским, в результате чего устанавливается экзогамный брак.

В ительмено-корякском фольклоре в качестве посредника нередко выступает отец - Кутх (Куткыняку), который в силу своей пограничной природы способен к проникновению в иные пространства, в том числе и в пространство чужого рода, которое может представляться как подводное, небесное, лесное.

В сюжетах, где иницирующую роль в заключении экзогамного брака играет посредник, основное действие связано с пребрачными испытаниями. Напротив, в сюжетах, где в системе персонажей задействован соперник, испытания носят послебрачный характер.

Помощник непосредственно не содействует заключению брака, но, заботясь о жизни одного из героев, попавшего в сложную ситуацию в результате вредительства соперника, опосредованно способствует установлению брака истинных жениха и невесты. Помощник появляется только в тех сюжетах, в образной системе которых присутствует соперник, и никогда помощник не появляется вместе с посредником.

Та медиативная основа, которая является определяющей в характере действий посредника, проявляется и в неразложимой паре *соперник-помощник*. Но если медиативная сущность в образе посредника отражена в своей целостности, то в паре *соперник - помощник* она разложима на действия соперника и противодействие помощника.

В ительмено-корякском фольклоре, в сюжетах о сватовстве помощник всегда находится в родовой связи либо с женихом (мужем), либо с невестой (женой). Причем эта связь характеризуется своей вертикальной направленностью. В качестве помощников не выступают братья или сестры героя (горизонтальная родственная связь), но всегда – либо тотемные предки, либо потомки героя, попавшего в беду.

И в ительменских, и в корякских брачных обрядах особая роль отводилась посреднику. Фольклорное воплощение этого героя брачных испытаний позволяет говорить об утверждающейся брачной обрядности. [Меновщиков №125, №132, №171, №174, №177, №183, №192; Жукова №11, №37; А.П. Володин, стр.396 – 403].

Логично предполагать, что роль посредника является более поздней, нежели роль соперника. Если соперничество есть явление противоречие естества мира, особым образом улавливаемое архаическим сознанием (К. Леви-Строс), то посредничество предполагает опосредованное взаимоотношение с миром.

Второй подраздел «Соперник и его функции в корякских и ительменских сказках о сватовстве» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Роль соперника в системе персонажей. Общие положения» высказаны наблюдения над системой персонажей ительменских и корякских мифологических сказок, в которых сюжетобразующую роль играют действия соперника.

В целом ряде сюжетов сказочная коллизия строится на вмешательстве соперника-вредителя в счастливую семейную жизнь главных героев.

Маркировка пола является обязательной для образа соперника-вредителя. Естественно, что объектом негативного воздействия со стороны соперницы- вредителя женского пола является истинная жена, со стороны соперника- вредителя мужского пола – истинный муж. Но и в том, и в другом случае соперник-вредитель стремится подменить собой одного из истинных членов экзогамного брака. Тактика действий соперника и соперницы отлична, что является основой двух сюжетных моделей.

В системе действующих лиц ительменских и корякских сказок об установлении экзогамного брака имеют место следующие оппозиционные пары: *жена - соперница, муж - соперник*.

Для составляющих оппозиционной пары характерно сходство семантических признаков: единство изначальной локализации иединство изначального внешнего облика.

Компоненты семантической пары могут быть взаимозаменяемы, этим и объясняется возможность соперника-вредителя подменить или заменить собой одного из супругов экзогамного брака.

Если в сюжетах, где действует соперник-вредитель мужского пола, эта замена представляется только как потенциально возможная, то в сюжетах о вмешательстве соперницы-вредителя женского пола в судьбу брака эта подмена предстает как свершившаяся и, в конечном итоге, разоблаченная. Таким образом, перед нами две принципиально иные концепции развития сюжета.

Во втором параграфе «Оппозиция *жена - соперница* как основа формирования сюжета» рассматриваются структурно-семантические особенности сюжетов данного типа [Иохельсон №64; Меновщиков №185, №186; Маликович, с.91 -102].

В корякских и ительменских мифологических сказках о сватовстве соперница-вредитель женского пола имеет зоантропоморфный облик. Облик и пространственная локализация соперницы-вредителя есть проекции облика и локализации невесты. Отличной же будет степень активности данных действующих лиц, которые могут восприниматься как взаимозаменяемые.

Традиционным для ительмено-корякского фольклора является следующее распределение функциональных ролей: Женщина-Растение (Черемша, Цветок Дикого лука) является в роли истинной жены, Женщина - Ящерица (Тритон) – в роли соперницы.

Потенциально невестой Эзмэкута может стать как Марокльавт (Женщина-Черемша), так и Камхлавт (Женщина-Ящерица). Обе они связаны с землей. Но если истинная жена принадлежит миру растительному, то женщина-тритон связана с миром мертвых.

Сбор лесных трав (традиционное женское занятие) дарует семье жизнь, а встреча с ящерицей предвещала аборигенам Камчатки близкую смерть (примета описана Г.В.Стеллером).

Сюжеты данного типа, вероятно, восходят к этнологическим мифам, где динамика годового цикла предстает как проекция брачных отношений мифологических персонажей. Встреча с истинной женой и немедленное рождение потомства соединено с расцветом трав, обретение жены предстает как обречение травы Черемши (на это указывает и Е.М. Мелетинский). Цветение и рождение сменяются, в результате вмешательства соперницы-тритона, холодом и бесплодностью. Истинная жена - Женщина-Черемша - добрая, красивая, работающая, но пассивная и слабая оказывается покинутой женой, а злая, завистливая, уродливая, но активная и сильная соперница занимает место жены Эзмэкута. Ложность ее проявляется в бесплодности, мы не найдем ни одного варианта, в котором бы у ложной жены рождался ребенок – ложная сущность изначально пуста. Бесплодная, значит, лишенная

жизненной основы. Разоблачение соперницы влечет за собой ее наказание: сжигание женщины-гитова на каменной сковороде сопоставимо с обрядами очищения огнем. Обряды эти, по свидетельству этнографов, проводились после длинной, холодной зимы, в ожидании обновленного мира без болезней и несчастий. Разоблачение ложной жены, с которой в дом пришла холод и бесплодие, связано с закономерным движением годового цикла. Возвращение перелетных птиц знаменует собой очередной рассвет, очередное пробуждение, что в сюжете воплощается через восстановление истинной плодородящей брачной связи.

В третьем параграфе «Оппозиция *женых (муж) – соперник* как основа формирования сюжета» рассматривается система персонажей, структурно-семантические особенности сюжетов данного типа.

Основа движения сюжета в мифологических сказках данного типа – противостояние соперника и истинного жениха. Изначально архаическому мировосприятию присуще понимание оппозиционных начал как неразрывно связанных (К. Леви-Строс).

Наличие двух персонажей мужского пола, один из которых выступает в качестве истинного жениха, а другой – в роли соперника, предполагает два варианта выстраивания брака. Брак эндогамный не требует выхода из родового пространства, напротив, экзогамный брак невозможен без стремлений героя, связанных с преодолением пространства. В мифологических сказках о сватовстве необходимым предваряющим этапом к установлению брачных отношений является пересечение пространства, поэтому роль жениха в корякском и ительменском фольклоре предполагает способность к пространственному перемещению, что связано с медиативной природой брака.

Только Эмэкут, в силу определенной мифологической наполненности этого образа, готов к совершению брака.

Эмэкут – старший сын творца Камчатской земли, прародителя ительменского народа Большого Ворона Кутха (Куткыняку). Имя Эмэкут означает «сын Кутха».

Эмэкут – особый герой в мифологической картине мира коряков и ительменов, он лишен статичности, его стремление к выходу в иное пространство есть основа заключения экзогамного брака.

В мифологической картине мира ительменов и коряков Эмэкут представляет собой первого человека, Эмэкут – всегда лучший, ему способствует охотничья удача, он не имеет себе равных.

В ряде мифологических сказок, это, прежде всего, касается тех сюжетов, где Эмэкут вступает в брачную связь в результате содействия посредника, степень активности Эмэкута минимальна [Меновщиков №171, №192; Жукова № 11]. Также достаточно низкой оказывается степень активности Эмэкута и в тех сюжетах, где в системе персонажей явлена соперница женского пола, то есть соперница невесты-жены [Меновщиков № 186; № 185; Малокович, с.91-102]. Максимальной активностью Эмэкут наделен в тех мифологических сказках, где он вступает во взаимодействие с

соперником мужского пола [Иохельсон №8, №46, №82; Меновщиков №176; №194; Малокович, с.113-119, с.38-42]. Применительно к сюжетам данного типа можно говорить о коррелирующей паре *истинный жених – соперник*. Эти функциональные роли, несмотря на их внешнюю оппозицию, представляют собой нечто единое, неразрывно связанное: изменения в судьбе одного героя влекут за собой изменения в судьбе другого. Закономерно, что семейное счастье Эмэкута является импульсом для активизации действий соперника. В цикле корякско-ительменских сказок о сватовстве активность персонажа выражается, прежде всего, в стремлении и способности осваивать иное пространство.

Сфера установления брачных отношений представляет собой модель мироустройства, в которой особая роль отведена не прародителю корякского и ительменского народа, а его сыну – Эмэкуту. Эмэкут не только сам готов ко вступлению в брак, но и способен содействовать замужеству своих сестер. Роль посредника в установлении брачных отношений, присущая Эмэкуту в ряде сюжетов, по-видимому, является вторичной, как бы пасловившейся на роль истинного жениха. Брак, в который вступает Эмэкут, несмотря на противодействие соперника или соперницы, всегда удачен, Эмэкут имеет потомство, что свидетельствует не только об истинности брака, но и о том, что Эмэкут включен в систему родственной связи между Творцом Камчатской земли и многочисленными потомками (ительменами и коряками), заселившими весь полуостров Камчатка.

Ряд сюжетов в ительменском и корякском фольклоре базируется на взаимодействии двух основных героев мифологической картины мира: на противостоянии Кутха и Эмэкута. Противостояние *творца и его сына* – одно из воплощений традиционного для периода смены мировоззрения мотива богоборчества. В ительмено-корякском фольклоре противостояние Кутха (Куткыняку) и Эмэкута реализуется через пространственные коды: если Кутх замыкается в рамках своего родового пространства, то его сын Эмэкут готов к постижению пространства иного.

Для ительмено-корякского фольклора традиционным является мотив внезапного рождения, который характеризует не столько особую природу появившегося ребенка, сколько предзначенность друг для друга его родителей, истинность состоявшейся брачной связи. В то же время ребенок, мгновенно рождающийся от брака Эмэкута с лесной девушкой, своим появлением как бы утверждает человеческую плотскую сущность, одухотворенную женским, диким, первоначально растворенным в природе началом.

Можно говорить об отголосках в фольклорных сюжетах представлений об эндогамном браке, неслучайно невесты Эмэкута принадлежат иному (лесному) пространству, связанному с пространством тотемных предков. Возвращение Эмэкута с красавицей-женой – существом, принадлежащим иному миру – является начальным этапом для последующих инициационных процессов, которые предстоит преодолеть Эмэкуту. Супружество с духом – доказательство истинности шаманских способностей посвящаемого. Так,

С.Н.Стебницкий отмечал, что у коряков бытовали истории о наличии у *избранных* невидимых жен.

Жена *избранного*, согласно мифологической картине мира аборигенов Камчатки, может принадлежать иному миру. Путь избранного в иные миры в ительмено-корякском фольклоре соединены с мотивом сватовства, а заключение брака является следствием *избранничества* героя (а подавляющем большинстве вариантов таким избранным является Эмэкут).

Ряд сюжетов свидетельствует о существовании особого типа мифов, повествующих о путешествии шаманов в иные миры [Иохельсон №8, №46, №82; Меновщиков №176, №193, №194; Жукова №29; Малокович, с.113 – 119, с. 38–42].

Как отмечают исследователи, в начале девятнадцатого века на Камчатке были очень распространены истории о способностях шаманов. С большой долей уверенности можно говорить о том, что отголоски шаманского фольклора сохранились в более поздних записях фольклорных текстов.

Есть основание предполагать, что в фольклорных сюжетах о сватовстве те испытания, которые, на первый взгляд, связаны с соперничеством, в основе своей восходят, прежде всего, к ритуалам передачи шаманских знаний. Возвращение Эмэкута, женившегося на лесной девушке, свидетельствует о его готовности к восприятию глубинного сакрального знания. В корякском и ительменском фольклоре широко задействован пространственный код. Этим вызваны и некоторые стилистические особенности мифологических сказок. В частности, моменту приближения к иному пространству, которое предполагает существование вертикальной оси мира, соединяющей миры, предшествует поэтапное, как бы пошаговое, трудное освоение героем пространства горизонтального.

В результате брачных испытаний Эмэкут проходит несколько ступеней становления шамана. Эмэкут не только первый человек, он еще и сын шамана, он способен к постижению сакрального знания. Эмэкут выступает в роли посредника между людьми и творцом Камчатской земли – Кутхом. Роль посредника делает его не только постоянным героем корякского и ительменского фольклора, но и определяет особый характер отношений к нему. Исключительно редки сюжеты, в которых Эмэкут выступает в нелепом или смешном виде. Основные черты этого образа, по-видимому, формируются на том этапе, когда все отчетливее в архаической культуре аборигенных народов Камчатки начинает проявляться оппозиционность составляющих мир противоположных начал.

Традиционная последовательность ритуальных действий, связанных с проникновением в иные, параллельные пространства, в своем фольклорном воплощении реализуется в последовательных композиционных элементах:

- 1) внезапное погружение героя в иной мир;
- 2) встреча с тотемными предками;
- 3) ритуальное кормление Эмэкута;
- 4) погружение Эмэкута в состояние сва;
- 5) возвращение Эмэкута.

Эти композиционные элементы сопоставимы с основными актами, выделенными В.Г. Богоразом при анализе обряда и мифа о воскресении зверя.

Сюжеты о сватовстве, в основе которых поэтапное погружение Эмэкута в пространство тотемных предков и его возвращение, являются обратной проекцией обряда воскресения зверя.

Радужный прием, оказанный Эмэкуту, ритуальная трапеза, возвращение с дарами тотемных предков – в обратной проекции повторяют основные этапы обряда воскресения зверя. Эмэкут, будучи посредником между тотемными предками и потомками, призван осуществлять обратную связь.

Существование человеческих жертвоприношений в корякской и ительменской культурах не было отмечено исследователями. Возможно, мифология и фольклор брали на себя функции восполнения равноценной обратной связи с миром тотемных предков. В фольклорных сюжетах путь Эмэкута – ответный шаг на приход зверей в мир человеческий.

Символическое описание расправы Эмэкута с соперником обязательно предполагает связь Эмэкута с тотемными животными, где главенствующая роль принадлежит Эмэкуту: по его воле совершается ритуальное действие. Тотемные животные по приказу Эмэкута-шамана образуют круг, в центре которого – соперник. Разрывание тела Кутха на куски сопоставимо с архангелским ритуалом, необходимым для обновления мира. Неслучайно, во всех вариантах смерть Кутха коррелирует с упоминанием о счастливом браке Эмэкута: Кутх, воплощаясь в своем сыне, перерождается через Эмэкута. Естественным образом смерть переходит в жизнь.

В сюжетах данного типа повышенной активностью наделен мужчина: родовая вертикаль выстраивается в обратной перспективе от Эмэкута и по мере отдаления – к предкам. Прямая проекция соотносима с рождением, представляющим собой выход из замкнутого пространства, в этом заключается суть рождения. Обратная проекция (будучи прямо противоположной рождению) предполагает погружение в замкнутое пространство, соотносимое с погружением в материнскую утробу. Эмэкут, в результате вредительства соперника, попадает в медвежий берлогу, а затем в волчье логово, и в том и другом случае предполагается погружение в замкнутое, более того, в силу природных особенностей округленное пространство. Погружение Эмэкута в берлогу есть, по существу, движение в обратной временной перспективе, что выражается не только в проникновении в мир предков, но и в погружении в особую плацентообразную форму, ту округлую форму, которую имеет не только берлога, и волчье логово, но и материнское чрево, таким образом, мир тотемных предков взаимосвязан с архетипом земли.

Многомерность, многоуровневость мира предполагает поэтапное освоение пространства, с этим, возможно, и связана особая конструкция сюжетов данного типа. Трижды реализуется стремление соперника извести

Эмэмкута, композиция в данном типе сюжетов стандартна, что подчеркивает значимость составляющих ее компонентов.

Очевидно, что, при всей одногипности испытаний, происходит их усложнение. Если в первый раз соперник посылает Эмэмкута к медведям, ближайшим предкам, то во второй раз - в волчье логово, в третий - к гольдам. Можно говорить об определенной градации испытаний, каждое последующее испытание представляет собой усложненный вариант предыдущего.

Для корякских и ительменских сюжетов о сватовстве характерно внимание к обретению Эмэмкутом главной ценности - жены из пространства иного рода, что первоначально было несопоставимо с профанными (почти утилитарными) заботами о семейном благополучии героя. Обретение жены из иного рода, это фольклорное воплощение представлений об обретении шаманского знания, возможно, именно поэтому брачные испытания Эмэмкута связаны с проникновением избранного (мужа) в пространства иных миров.

Принципиально важно, что сокрытая, глубинная сущность земли оказывается маркирована женским полом. Если принять гипотезу о том, что последнее испытание Эмэмкута в сюжетах данного типа соответствует начальному этапу родов, то погружение Эмэмкута в подземный мир есть погружение в материнскую утробу и как бы соединение с ней. И.С. Вдовин отмечал, что беременные корячки, совершая определенные ритуальные действия, обращались к земле с просьбой облегчить роды.

Погружение в подземное царство и приращение Эмэмкута к материнской утробе земли, растворение в женской природе абсолютно подавляет активность, свойственную мужчине. Мужская сила Эмэмкута в женской утробе земли нейтрализована. Женская природа предстает как подавляющая, поэтому активность переходит женщине - жене Эмэмкута. Важно, что жена в мифологических сказках о сватовстве всегда пассивна, ее активность подавлена активностью мужа. В развитии сюжетов подобного типа мы наблюдаем резкую смену источника активности. Если изначально активность исходит от мужчины, то вторая фаза развития действия связана с активностью женщины.

Брак предстает не только как исцеляющий, возвращающий к жизни, но и наделяющий особой силой. Эмэмкут, в результате воссоединения с женой, обретает особую силу.

Борьба соперников за лесную женщину оборачивается борьбой за право быть причастным сакральному знанию, за право быть наделяемым сверхъестественной силой. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что сюжеты, в основе формирования которых оппозиционная пара *соперник - жених*, связаны с представлениями о браке как иерогамном и восходят к древнейшим шаманским ритуалам.

В третьем подразделе «Посредник и его функции в мифологических сказках о сватовстве» рассматриваются структурно-семантические особенности сюжетов данного типа.

Целый ряд корякских и ительменских сказок о сватовстве Эмэмкута имеют принципиально новую сюжетную основу [Меновщиков № 125, №171, №174, №177, №192, Жукова № 11]. В этих сюжетах Кутх (Куткыньяку) выполняет роль посредника в установлении брачной связи. Большой Ворон, попадая в пространство иного рода, присматривает там, невесту для своего сына и побуждает Эмэмкута познакомиться с одной из лесных девушек. По-видимому, появление сюжетов подобного типа связано с процессом формирования брачной обрядности и выделением как особо важной функции посредника, которую выполняет, как правило, кто-либо из родственников жениха. Присутствие в системе персонажей посредника делает более значимыми предбрачные испытания. Роль посредника реализуется в умении подготовить брак, сделать его возможным. Установление экзогамного брака есть преодоление межродовых, изначально заложенных противоречий. Посредник, налаживающий экзогамный брак, выполняет функции медиатора. Будучи посредником, Кутх (Куткыньяку) преобразуется в ворона. Обретая иную (птичью) оболочку, Кутх (Куткыньяку) как шаман приобретает способность проникать в иное пространство, туда, где находятся потенциальные невесты для его сына.

Экзогамный брак по самой своей сути предполагает связь с иным родом. Пространство иного рода, возможно, соотносимо с пространством иномирья. Брак предстает как сакральное действие. Приближение к браку уже предполагает приближение к сакральному миру. Душа шамана, оборачивающаяся в птицу, способна путешествовать по мирам сакральным, таящим в себе потенциальные возможности установления брачных связей, и возвращаться обратно. В данном контексте брак предстает, прежде всего, как иерогамный. В архангелской культуре брак предстает как сакральное действие, предполагающее выход из пространства профанного. Традиционно для корякского и ительменского фольклора иное пространство связано с лесом. Лес - место посвящения.

Интересно, что в сюжетах данного типа, женские образы предстают как антропоморфные, нет указаний на их связь с тотемным животным, но подчеркивает связь женского начала с иномирьем особая локализация двух сестер. Необходимо отметить, что в фольклоре коряков и ительменов женские персонажи тяготеют к парности. Множество сюжетов в основе своей базируются на сосуществовании двух женских персонажей (часто - родных сестер), характеризующихся большей или меньшей степенью оппозиционности, причем устойчивым является соединение именно двух сестер, а не трех. Оппозиция между двумя сестрами может выразиться на уровне возраста: одна сестра является младшей, другая - старшей. Наблюдается следующая закономерность: старшая сестра всегда более агрессивна, нежели младшая. Образ старшей сестры соотносим с древним, диким женским началом, которое способно было оказать активное сопротивление мужскому. В целом ряде сюжетов именно старшая сестра отвергает прилетевшего в виде ворона потенциального жениха.

Интересна следующая деталь: почти во всех вариантах старшая девушка чем-нибудь бросает в ворона, как правило, камнями, либо мусором.

Такое, внешне пренебрежительное, отношение старшей сестры к ворону соотносимо с обрядами благодарения. В частности, есть свидетельства этнографов о том, что в корякской культуре в знак благодарения ритуальному камню бросали камни. Бросание различных остатков еды, кусочков кожи в дар священным сопкам, в дар духам было обычным явлением в ритуальной жизни коряков и ительменов (Г.В. Стеллер, С.П. Крашенинников, В.И. Иохельсон, И.С. Вдовин). Агрессия старшей сестры по отношению к Кутху, прилетевшему из «лицевого» мира, есть как бы проекция мира наоборот: то благодарение духам, которое традиционно для мира этого, в оборотном мире оказывается гневом и уничтожением. Младшая сестра во всех без исключения вариантах кормит ворона, причем кормление осуществляется и впрок.

Исследователи архаических культур отмечают особую значимость этого ритуала в архаических культурах. Кормление – та первоначальная основа, которая делает возможным сближение разных миров, именно в результате кормления Кутх убеждается в возможности установления брачной связи между его сыном и лесной девушкой, совершающей кормление. Возвращение накормленного Кутха из иномира создает основу для удачного сватовства Эмэкута. В разных вариантах этого сюжета проявляется несколько вариаций того, каким образом Эмэкут может добраться до лесных девушек. Но среди них нет ни одного, где было бы указание на обычное горизонтальное перемещение. Попасть в пространство потенциальной жены, пространство, способствующее установлению экзогамного брака, можно только через обретение особого состояния, через обретение облика птицы. Мотив превращения в птицу для постижения иного пространства и, в конечном итоге, для совершения брака позволяет предполагать, что эти сюжеты генетически связаны с шаманской практикой. Тогда сюжетобразующий мотив брачной связи вернее было бы трактовать не как заключение экзогамного брака, а как заключение иерогамного брака, через совершение которого шаман обретает свою силу.

Сюжеты, в которых посредником в установлении брачной связи является отец жениха – Кутх, представляют собой фольклорное воплощение опыта налаживания брачных отношений. Та роль, которая отведена посреднику, предопределяет заключение благополучного экзогамного брака. Роль соперника в сюжетах данного типа является излишней, возможно, это связано с тем, что брак, заключенный посредством участия сватов, на определенной стадии развития общества воспринимается как более устойчивый. Предбрачные испытания обуславливают благополучие молодой семьи после заключения брака.

В заключении представлены основные выводы диссертационного исследования.

Проведенное исследование позволило выявить в ительмено-корякском фольклоре три основные группы сюжетов, не только отразивших процесс формирования брачных отношений, но и систему мировоззрения в целом: сюжеты о сватовстве Большого Ворона Кутха (Куткыньяку); сюжеты о сватовстве потомков Кутха (Куткыньяку), сотворенных им единолично; сюжеты о сватовстве потомков, рожденных от брака Кутха (Куткыньяку) и Мити. Каждая из данных групп отражает определенные аспекты брачных отношений коренных народов Камчатки и основывается на мифологическом восприятии мира и отражении архаических элементов повседневного быта коряков и ительменов.

В частности, первая из рассмотренных групп предполагает, с одной стороны, восхождение к этиологическим мифам о первотворении, это прежде всего касается сюжетов об установлении брачных отношений между Кутхом (Куткыньяку) и Мити. С другой стороны, сюжеты об изменах Кутха (Куткыньяку) характеризуются максимальной степенью комичности, что позволяет говорить об определенной жанровой специфике этих сюжетов, а именно о мифологических анекдотах. В ительмено-корякском фольклоре сюжеты о сватовстве трикстера имеют точки пересечения с заговорной традицией, что, вероятно, связано с восхождением сюжетов мифологических сказок к заговорной традиции.

Вторую группу мифологических сказок о сватовстве составляют сюжеты о сватовстве потомков Кутха (Куткыньяку), сотворенных им единолично. Мотив единоличного сотворения отцом своих дочерей восходит к древнейшим представлениям о первичности мужского начала. Желское предстает как вторичное, дочернее. Сюжеты данного типа восходят к тотемическим представлениям древних коряков и ительменов о происхождении двух главных фратрий – медведя и оленя – и сотворении этих фратрий Большим Вороном. Движение единолично сотворенных дочерей Большого Ворона предполагает несколько этапов их вызревания для брака, при этом финальным является брачное соединение охотника и убийственного им зверя.

Третью группу составляют сюжеты о сватовстве потомков Большого Ворона, рожденных от его брака с Мити. Эти сюжеты отражают процесс перехода от эндогамного к экзогамному браку в архаической культуре аборигенов Камчатки, в связи с этим моделируются две системы установления брачной связи, где счастливой представляется именно экзогамная брачная связь. Формирование сюжетов данного типа, по-видимому, совпадает с процессом становления брачной обрядности, что выразилось в устойчивой системе персонажей, где роль соперника вытесняется ролью посредника в установлении брачных отношений.

Несмотря на структурные отличия, для всех выявленных групп характерно отражение представлений о браке как генетически связанном с тотемизмом и архаическими культурами.

Список библиографических сокращений

- Володин - Володин А.П. Ительменский язык. Л., 1976.
Жукова - Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988.
Иохельсон - Jochelson W. The Koryak. - Leiden-New York, 1908.
Меновщиков - Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл., примеч. Г.А. Меновщикова. М., 1974.
Малюкович - Малюкович В.И. Кутккыньяку. - Петропавловск-Камчатский, 2001.
Орлова - Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб, 1999.
Успенская - Успенская В.И., Голованева Т.А. Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь. Петропавловск-Камчатский, 2004.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Голованева Т.А. Кутх в культуре ительменов. // Теория и практика гуманизации образования. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2000. - С.211-213.
2. Голованева Т.А. Миф как бытие человека. // Бушелевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Этика и эстетика человеческих отношений. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2002. - С.102-106.
3. Голованева Т.А. Роль одежды в картине мира древних коряков. // Смысловое пространство текста. Сборник статей межвузовской научно-практической конференции. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2002. - С.10-16.
4. Голованева Т.А. К вопросу о древности сюжета корякской сказки «Как появились морские птицы». // Гуманитарные науки и современность. Сборник статей региональной научно-практической конференции. - Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2003. - С.57 - 60.
5. Голованева Т.А. Отголоски мифа в корякской сказке «Дружба волчицы». // Актуальные проблемы современной науки. Сборник статей 4-й международной конференции молодых ученых и студентов. - Самара: Изд. СамГТУ, 2003. - С.14 - 17.
6. Голованева Т.А. Природа и человек в корякских народных сказках. // Изучение эпических произведений. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2003. - С.21 - 27.
7. Голованева Т.А. Миф о перетворении в корякской сказке «Любовь Ильно». // Актуальные проблемы современной филологии. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. - Киров: Изд. ВГТУ, 2003. - С.5 - 9.

8. Голованева Т.А. Современные коряки. Обряд сожжения. // Наука и образование. Сборник статей VII Всероссийской конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. Том 5. Культурология, философия, социология и политика. - Томск: Изд. ТГПУ, 2003. - С.18 - 22.

9. Голованева Т.А. Изучение особенностей мифологической картины мира коряков. // Литература. Язык. Культура. Сборник статей Региональной научно-практической конференции. - Владивосток: Изд. ДВГУ, 2004. - С.313 - 321.

10. Голованева Т.А. Опыт интерпретации ительменской сказки. // Вестник КРАУНЦ. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2004. - С.313 - 321.

11. Успенская В.И., Голованева Т.А. Ительменская разговорная речь в начале 21 века: результаты экспедиции в село Тигиль в июле 2003 года. // Вестник КРАУНЦ. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2004. - С. 89 - 92.

12. Успенская В.И., Голованева Т.А. Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2004. - 147с.

13. Голованева Т.А. Архаическое сознание и маргинальность. // Человек в истории. Сборник статей Межвузовской научно-практической конференции. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2004. - С.14 - 18.

14. Голованева Т.А. Соперник и его функции в корякских и ительменских мифологических сказках. Сборник статей Межвузовской научно-практической конференции. - Петропавловск-Камчатский: Изд. КГПУ, 2005. - С.16 - 51.

Подписано в печать 1.09.2005 г. Формат 60x 84 1/16.
Бумага офисная. Гарнитура Times ET. Печать Ризо.
Усл. печ. л. 1,2. Тираж 100 экз. Заказ № 3108

Отпечатано «Оперативная полиграфия», ИП Романешко М. И.
Лич. ПД № 14-2 002305 от 14.07.2000 г.
683000, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинская, 46.
Телефон: 8 (415 2) 123-008